

В.А. Арутюнова-Фиданян

ОБРАЗ ВИЗАНТИИ В АРМЯНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XI–XII вв. (Акоб Санаинци, Маттеос Урхаеци)¹

Маттеос Урхаеци (Матфей Эдесский) жил в Эдессе во второй половине, может быть, в конце XI в. и умер между 1138 и 1144 гг. Его труд состоит из трех частей. Первая часть охватывает события с 952 по 1051 гг., вторая — с 1051 по 1101 гг., третья — с 1101 по 1136/1137 гг., т.е. интересующий нас период времени описан в первой и второй частях его работы, и если для последних лет 2-й и для 3-й части Урхаеци был очевидцем, то для 1-й и большей части 2-й он пользовался какими-то источниками².

Маттеос Урхаеци пишет, что историю событий 951–1051 гг. он изложил на основании "много раньше родившихся очевидцев и свидетелей и читая труды старых историков, бывших очевидцами всех происшествий" (с. 172). До недавнего времени было неясно, какого (или каких) историков он имеет в виду, так как он не использовал ни один из известных нам источников этого периода (Шапух Багратуни, Иоанн Драсханакертци, Асолик, Аристакес Ластивертци). В 1971 г. появилась статья Л. С. Хачикяна, в которой он рассмотрел небольшие фрагменты сочинения "Из хронографии священника Акоба". Хачикян отождествил Акоба с вардапетом Акобом Санаинци и предположил, что именно этот труд являлся главным первоисточником для первой и ряда событий второй части "Хронографии"³. Акоб Санаинци умер в 1085 г. в Эдессе. Соответственно *terminus ante quem* его работы — 1085 г., т.е. он современник Аристакеса Ластивертци. Акоб Санаинци был крупным ученым, богословом, связанным с известными политическими и церковными деятелями эпохи. Он был близок к католикосу Диоскору и мог пользоваться архивом Багратидов и католикосата. Возможно (и даже вероятно), что не только этот труд лег в основу первой части "Хронографии", но в дальнейшем я буду (чисто условно) пользоваться именем Акоба для обозначения источника (или источников) Маттеоса Урхаеци. Эти источники полностью сочувствуют ромеям, отнимающим у арабов малоазийские территории. Военачальники и императоры удо-

¹Продолжение: ч. IV. Начало см.: (ч. I — ВВ. 1991. Т. 52. С. 113–126; ч. II — ИФЖ. 1991. № 1. С. 42–56; ч. III — ВВ. 1994. Т. 55. (80), ч. 1. С. 146–151).

²Маттеос Урхаеци. Хронография. Вагаршапат, 1898 (на древнеарм. яз.). (Далее: Маттеос. Страницы в тексте указаны по этому изданию).

³Хачикян Л. С. Акоб Санаинци — хронист XI в. // Вестн. Ереван. ун-та 1971. № 1. С. 22–48 (на арм. яз.)

стаиваются восторженных похвал, например, некий паракаманос, захвативший Самосату (с. 2). Никифор Фока — "муж добрый, святой и боголюбивый, исполненный всяческих добродетелей и справедливости, победоносный и храбрый во всех сражениях, милостивый ко всем верующим во Христа, попечительный к вдовам и пленным, заступник сирот и бездомных. Он собрал огромное множество воинов и, переправившись через ширь Океана, напал на татчиков, рыча, подобно льву в жестокой битве⁴. Он напал на страну киликийцев и одержал великую победу над прославленным городом Тарсом. Продвинувшись, [он], захватил Адану и Мсис, знаменитую Анаварзу и подверг племя татчиков великой и страшной резне и гнал их до самых ворот города Антиохии. И возвратился царь Никифор с великой победой и бесчисленными пленными, пришел с огромной добычей, вступил в царственную столицу Константинополь. А сыновей Романа Василия и Константина он держал при себе во дворце с великим уважением и славой" (с. 5).

В этом описании сразу же настораживает дихотомия фактов и характеристики, хотя оба эти компонента вполне позитивны и конституируют парадигму⁵. Факты рисуют победоносного императора, а характеристика, поставленная к тому же на первый план, — "мужа святого и добродетельного". Впрочем, хронист далее приводит и факты, обнаруживающие "святость" Никифора: он носил под порфирой власяницу, перед смертью читал "божественные книги", да и сама его смерть — это смерть мученика. Традиция византийской историографии, изображающая Никифора жертвой заговора царицы Феофано, прослеживается и в армянском источнике, так же как и активная роль Цимисхия в убийстве царя (с. 6)⁶. В результате "нечестивый Цимисхий стал владеть Константинополем и подчинил своей власти все пределы страны ромеев". Однако сразу же после столь недвусмысленного обвинения Акоб начинает оправдывать Иоанна: душа его была объята "великой скорбью" после убийства Никифора, он отправил сыновей Романа Василия и Константина к "княгине Спрамик", матери великого Мхитара в Васакаван гавара Анзит, дабы царица не дала им зелье смертоносное, чтобы убить" (с. 7). Автор как будто не знает трех вещей: имени царицы, того, что она — мать Василия и Константина, которой не было резона убивать собственных сыновей, и, наконец, того, что не Василий и Константин, а сама Феофано была изгнана⁷.

Иоанн Цимисхий после поражения Млеха под Амидой выступил в поход против арабов через армянские земли, где его встретили все армянские владетели, собравшиеся вокруг Ашота Багратуни, с которым Цимисхий заключил "мир и любовь" (с. 18). Акоб Санаинци подчеркивает армянское происхождение Цимисхия (с. 19), восхваляет его полководческий талант, подробно описывает блестящий рейд в Киликию и Палестину⁸, союзнические отноше-

⁴Имеется в виду, очевидно, сражение за Крит.

⁵Маттеос С. 2. Доброе отношение Никифора Фоки (а позже Иоанна Цимисхия) к детям Романа II — традиция, общая для византийских и армянских источников в отличие от второстепенных арабских и западных версий о существовании злого умысла Никифора по отношению к пасынкам (Иванов С. А. Полемическая направленность "Истории" Льва Диакона // ВВ 1982 Т. 43. С. 75—76).

⁶Scylitz. P. 279—281.

⁷Ibid. P. 285, 35—41.

⁸Судя по письму, Цимисхий неукоснительно следовал имперскому, освященному церковью праву, проявляя милосердие к покорившимся и жестоко карая "дерзнувших пойти войной" (с. 25)

ния с Ашотом Багратуни и, наконец, придумывает для него удивительную легенду об отказе от царского трона. После многочисленных сражений и побед Цимисхий решил покаянием смыть пролитую кровь. Он привез в Константинополь Василия и "собрал всех великих князей царства греческого. И было огромное торжество во дворце царском. И тогда царь Цимисхий, взяв корону со своей головы, своими руками возложил ее на голову Василию и посадил его на свой трон царский, поклонился ему до земли и поручил ему полностью царскую власть в государстве греческом. И отдав Василию отчий престол его, сам ушел в пустыню и, приняв сан духовный, стал жить в монастыре" (с. 30).

Это уже рассказ о праведнике, а не о реальном Иоанне Цимисхии, жизнь и смерть которого никак не может быть помещена в рамки жития. Он, как известно, завладел тронном, убив Никифора и сослав Феофано, одерживал блестящие победы на Западе и Востоке и умер, по-видимому, отравленный Василием Нофом.

Дихотомия идеологической реальности и реальности исторической "работает" на создание парадигмы. В образах и Никифора, и Иоанна переплетаются черты полководца и праведника — таков, очевидно, был идеальный правитель Акоба Санаинци. Та же тенденция проявляется в трактовке образа Василия II, главного, может быть, героя Акоба.

Приводимые Акобом факты деятельности Василия II (как и общий тон изложения) сопоставимы с "Повествованием" Аристакеса Ластивертци. Акоб Санаинци, как Аристакес, сторонник "порядка" и не одобряет мятежей против законных ромейских императоров (см. пассаж о "нечестивце" Склире, собравшем "беззаконных людей" (с. 33—34) и погибшем "от руки царя Василия" (с. 39)). Одобрительно отзываясь историк о Давиде Арцруни, избавившем Василия II от "великого страха" — убившем мятежника Никифора Цравиза (с. 51).

Война на Балканах произошла, по Акобу Санаинци, от того, что болгары отказались следовать "велениям царя Василия" (с. 39—40). После ряда сражений Василий "разорил и угнал в плен весь Запад и уничтожил дотла царство булгаров", отравил царя, а жену его и сыновей вывез в Константинополь (с. 46). Армянский историк не слишком хорошо знает о всех перипетиях войны на Балканах, не знает даже имени болгарского царя, однако точно осведомлен о победном для Византии исходе войны и нисколько не сомневается в суверенных правах Василия на Болгарию. Армянские земли также, по Акобу, переходят к Василию на строго законных основаниях. Давид передал сам свои земли Византии, и Акоб Санаинци даже более отчетливо, чем Аристакес, фиксирует расправу греческого императора с убийцами Давида (с. 25). Позже он отмечает союз "любви и единения" между васпураканским царем Сенекеримом (с. 49) (1000 г.) и Василием II, который усыновил старшего сына Сенекерима Давида в св. Софии (с. 49)⁹. И далее автор неоднократно подчеркивает, что Давид Арцруни относился к Василию II, "как сын к отцу", т.е. как верный вассал¹⁰.

Повествуя о дальнейшем продвижении Византии в Армению, наш историк отмечает, что Василий II потребовал от армянского царя Ани и Карс и полу-

⁹После того как Давид убил мятежного Никифора Цравиза, Василий даровал ему Кесарию, Цамндав и Хаватанек (с. 33). См. также обращение Давида к памяти Василия II (с. 88)

¹⁰Иованнес Драсханакертци. История Армении / Пер. с древнеарм., вступит. ст. и комм. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 33.

чил соответствующее письменное обещание (с. 49), которое, правда, Иоанн, сын Гагика, дал из-за своего "слабодушия" (с. 49), а затем "усмирил грузинского царя Георгия" (с. 50).

Нетрудно заметить, что черты образа Василия II, которые выявляются в рассказе Акоба Санаинци о подчинении армянских, болгарских и грузинских земель и усмирении мятежей, принадлежат не личности Василия, но личности императора Византии, и обуславливаются либо осуществлением, либо нарушением его прав сюзерена. Он добр, щедр к покорным вассалам и к тем, кто становится им без особых возражений: жесток, агрессивен и вероломен, если ему не подчиняются. При этом Акоб Санаинци безоговорочно признает сюзеренные права императора ромеев на соседние с Византией земли.

В немногих случаях Акоб прямо порицает подозрительность, жестокость, даже кровожадность Василия, когда описывает "дом забвения", где тот тайно расправлялся с "прославленными ромеями" (опять-таки "в страхе за царство свое"). Акоб осуждает пытки, коим подвергались заподозренные в измене вельможи, устами брата Василия Константина, который будто бы велел сжечь этот дом (с. 56). Аристакес, рассказывая о гневе божьем, который обрушился на войско ромеев у крепости Гер (снег, холод и т.п.), вследствие чего Василию пришлось вернуться в Константинополь, умалчивает, каким образом он вернулся. Акоб Санаинци дополняет этот рассказ страшными подробностями. Внезапно растаявший снег превратил землю в болото, и царь приказал перебить 13 тыс. человек, чтобы по их трупам уйти на зимние квартиры (с. 52).

В свете вышеуказанных фактов прямая авторская оценка (в самом начале рассказа о царствовании Василия) может послужить наглядным примером дихотомии факта и характеристики: "Он [Василий II] завладел царским престолом греков, покорил многих мятежников и стяжал среди творений [божьих] доброе имя: милостивого к вдовам и пленным и справедливого к притесненным" (с. 30).

В этой характеристике, прилагаемой обычно к идеальным армянским правителям, Акоб Санаинци опускает эпитет "благочестивый", но прибегает к конфессиональной трансформации образа. Василий вызвал в Константинополь армянских вардапетов для решения вопроса о праздновании пасхи и, согласно Акобу, вардапет Самуэл победил в полемике греческих богословов. Тогда император "многих из них лишил церковных чинов, а вардапетов армянских отправил в страну армян с богатыми дарами" (с. 45). Зафиксировав явное благоволение Василия II к армянским церковникам, Акоб подкрепляет это благоволение чудом армянского католикаса Петроса Гетадардза (букв.: 'повернувшего реку'). Аристакес сообщает, что в присутствии Василия II католикос Петрос освятил в реке воду "по нашему обряду" (т.е. по обряду монофиситской церкви), причем было знамение: блеснул яркий луч (Аристакес. С. 32), но единственным следствием чуда было то, что "прославилось наше благочестие" (там же). А Акоб Санаинци добавляет, что не только блеснул луч, но на миг остановилась река, что произвело огромное впечатление на императора и его свиту. Василий, приехав только с тремя провожатыми в армянский монастырь близ Антиохии, тайно принял монофиситство и был признан "отцом страны нашей армянской" (с. 50). В предсмертном наказе брату Василий особенно выделил армян, "дабы непреложно с отеческой любовью заботился он о народе этом", поручил ему Арцрунидов и всех ишханов царства армянского. В заключение Акоб называет Василия "святым", который

"свято и целомудренно прожил жизнь" (с. 55) и заслужил добрую память. И это — второе оценочное обрамление образа Василия у Акоба Санаинци

Подбор событий, заполнивших царствование Василия II, разная оценка одних и тех же фактов, наличие или отсутствие авторской характеристики, создают определенную эволюцию образа Василия II в армянской историографии.

Анализируя сочинения армянских историков, можно отметить по меньшей мере три уровня в его оценке: во-первых, Василий II — законно правящий в Константинополе император (отсюда осуждение мятежей против него) и сюзерен армянских царств и княжеств, почти лишенный, однако, индивидуальности (у Асолика); во-вторых, у Аристакеса (при сохранении вышеупомянутых моментов) появляются раскрывающиеся во внешних коллизиях характерологические черты деятельного, сурового, а иногда немилостивого и жестокого императора, близкие к оценке византийских источников; в-третьих, у Акоба Санаинци наконец сглаживаются негативные черты в характере императора, и его решительно сближают с армянским миром, армянской культурой и даже конфессией.

Все эти наблюдения не столько помогают уточнению реального образа Василия II, сколько демонстрируют формирование образа византийского императора периода движения империи на Восток. Образ его резко контрастирует с последующими византийскими василевсами, описание которых также сближено с оценками византийских источников.

Царь Роман III Аргир Акоба Санаинци совершенно соответствует его изображению у Михаила Пселла¹¹. Он "нерешителен и слаб, крайне злонаправлен"¹² и, добавляет Акоб, враждебен православной (т.е. монофиситской) вере. Умер он "из-за коварного заговора своей же царицы" (с. 64). Михаилу IV Акоб приписывает поражение в Болгарии (с. 78) (на самом деле восстание Петра Деляна, о котором, вероятно, говорит Акоб, было подавлено при личном участии Михаила).

История воцарения и свержения Михаила у Калафата конспективно передает сведения византийских и армянских источников, не внося ничего нового, кроме того, что сильнее акцентируется противостояние Михаилу Константинопольского патриарха (с. 89—90).

Император Константин Мономах слаб и коварен. Он "коварством и клятвами отнял царство армянское у рода Багратидов" и поэтому "проснулся ниспосланный богом гнев", напали турки-сельджуки, понявшие, "что вся страна армян под властью ромеев заброшена и беззащитна, ибо ромеи храбрых и могущественных мужей из армян разбили и изгнали с Востока и старались удержать страну армян и все государство восточное с помощью военачальников-скопцов" (с. 102).

Отсутствие личного мужества у Константина Мономаха, позорно трусившего во время мятежа Торника (с. 101—102), корреспондирует с отсутствием мужества и у его военачальников. Узы и печенеги напали на "окраину царства ромеев", а царь "в ужасе не осмелился выйти на бой с ними" (с. 109). Мономах — дурной правитель, слушающий клеветников (с. 110). Все эти качества, в особенности трусость, формируют антипод идеального правителя. В "Хро-

¹¹ Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 22—33

¹² Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1978. С. 222—223

нографии" Акоба главной добродетелью, конституирующей парадигму правителя, является личная храбрость.

Рассказ о торжественной коронации Гагика I, оцениваемой почему-то как "восстановление престола царского в стране нашей армянской"¹³, — панегирик доблести царя. "И еще более радовались из-за храбрости Гагика, ибо он был муж могущественный и воинственный. И в тот день был смотр войскам его, ста тысячам отборных воинов, мужей, прославленных в боевых сражениях и храбрых удалцов, ибо подобно детенышам льва или подобно птенцам орла ждали они сражения" (с. 4). Отрывок достаточно красноречив по перенасыщенности эпитетами, характеризующими мужество и военные таланты Гагика и его воинов.

У Гагика было два сына, и симпатии Акоба Санаинци целиком на стороне младшего из наследников, так как старший Иоанн-Смбат был хотя и "мудр и очень проникателен", но в то же время "неповоротлив, нерешителен и труслив в бою" (с. 7—8). Ашот же, во-первых, "мужествен, храбр и могуч, непобедим и победоносен в бою", а во-вторых — щедр и богобоязнен (с. 8)¹⁴. Акоб Санаинци прославляет не только полководческие таланты Ашота, но и его личную храбрость, доблесть могучего воина, который в схватке с абхазским князем рассек "его окованное железом тело до самой груди" (с. 9). Патриарх Петрос и армянские князья посадили на престол Ширакского царства Ашота, оставив Иоанну Смбату только Ани, который также должен был отойти Ашоту после смерти старшего брата (с. 10). Однако Ашот умер раньше Иоанна-Смбата и похоронен был в Ани, куда живым не вступал, "ибо очень боялся Иоанн Ашота, мужа храброго и сильного" (с. 79). Историк прямо связывает гибель Ашота с моральным упадком армянского войска¹⁵.

В парадигме идеального царя Акоб ставит на первое место мужество, силу, военные таланты и щедрость и только затем богобоязненность. Даже такие традиционные добродетели как мудрость и проникательность скомпрометированы тем, что введены в характеристику "неповоротливого и трусливого" Иоанна-Смбата. Симптоматично, что армянский царь мог быть идеальным царем-воином только в том случае, если у него было царство.

Впервые в "Хронографии" Акоба Санаинци мы сталкиваемся с резко различными (без перехода) характеристиками армянских царей в зависимости от территориального и социального их положения по отношению к армяно-византийской контактной зоне. Царь "по эту сторону", т. е. живущий на своей земле, наследственный владетель своего удела — это аристократ и воин. Царь, находящийся в "земле ромеев", не переставая быть аристократом, перестает быть воином, во всяком случае, перестает быть полководцем и нуждается скорее в библейских добродетелях, в том числе и в смирении.

¹³ Единственное объяснение заключается, по-видимому, в том, что Гагик приравнивается к восстановителю армянской государственности Ашоту I Багратуни.

¹⁴ Он принес в дар монастырю св. Знамения Христа 30 тыс. дахеканов арабским золотом (там же. С. 8).

¹⁵ "И случилось так, что после смерти Ашота войска армянские оробели и возненавидели военное искусство, подпали под ярмо подданства племени ромеев, принялись пьянствовать, возлюбили барбут (струнный музыкальный инструмент) и песни гусанов; отошли от единомыслия меж собой и не спешили на помощь друг другу. Они предавались скорби по стране, преданной мечу, оплакивали конец друг друга и продавали царству греков друг друга на погибель; и стали они разорителями соплеменников своих и перешли на сторону противников" (с. 79).

Атом Арцруни, например, был "исполнен добродетелей и справедливости, отличался целомудренным образом жизни... был полон смирения и ласки, милосерд к страждущим, попечителен к нищим и очень любим духовенством, строитель церквей и умножитель монастырей" (с. 65). А когда по лживому навету некоего "ишхана из азатов Сенекерима" (т. е. кого-то из вассалов их отца) Атом и Абусахл были обвинены в измене, и царь Михаил послал в Севастию своего аколуфа с войском, то сыновья Сенекерима не отозвались на призыв Шапуха решить дело сражением, а отправились в Константинополь, перед этим "заплатив большую дань военачальнику", а достигнув Константинополя, сумели поладить с Михаилом миром (с. 83—84).

Гагик II, вступивший на престол 18 лет от роду, был "крайне благочестив и боголюбив и непобедим в сонме мудрецов" (с. 86). В 1045 г. Гагика заманили в Константинополь, а его азаты прислали ключи от Ани Константину XI Мономаху с сообщением: "Город Ани и весь Восток стали твоими" (с. 95). Мономах отправил войско в Ани, чтобы "вместо могущественного храбреца Гагика поставить стражем страны армянской евнуха" (с. 96).

Резкое различие в наборе добродетелей, конституирующих образ царя у Акоба Санаинци, — это прежде всего яркое свидетельство существования армяно-византийской контактной зоны, отличающейся по статусу и от собственно армянских, и от собственно византийских земель, но в то же время — это свидетельство начала разрушения этой контактной зоны (в силу того, что переселившиеся в глубь империи армянские цари перестают быть "могущественными храбрецами", утрачивая власть, а их уделами начинают управлять люди, не способные к войне).

Акоб Санаинци (как и Аристакес Ластивертци) демонстрирует не только знание византийских реалий, но и осведомленность в византийской общественно-политической мысли в разных ее аспектах, в частности он почти всегда осуждает мятежи, однако, делает исключение для Георгия Маниака, так как "он был исполин и храбр в бою" (с. 93), и для Торника — мужа "могучего и воинственного", который собрал войско со всей восточной страны и осадил Константинополь. Здесь стремление к "безмятежности", по-видимому, отступает перед одобрением личных качеств претендентов на престол, явно стоящих выше трусливого и неспособного Мономаха. "Патриарх, вся знать и царь" дали ложные клятвы короновать Торника после смерти Мономаха, привезли его в Константинополь, но через несколько дней отrekliсь от своих клятв, "как это принято у племени ромеев с помощью клятв губить великих мира сего", и ослепили Торника (с. 101—102).

Ромеи впервые осуждаются как представители не только государства, но этноса и конфессии. Акоб Санаинци называет их "коварным племенем еретиков" (с. 98), и заявляет в рассказе о сражении ромеев и арабов под Эдессой (1035 г.), что ромеи принесли больше вреда христианам" (с. 66), чем арабы.

* * *

А "Хронография" Маттеоса Урхаеци, которую он писал самостоятельно со слов очевидцев, "отцов наших" и по своим собственным впечатлениям в первые десятилетия XII в. (с. 112—113), с самого начала уравнивает ромеев с "нечестивыми турками" по степени бед, которые они принесли армянскому народу (с. 113) (следует рассказ о насильственных обращениях в халкидо-

нитское вероисповедание¹⁶, о "сожжении сирийского евангелия греческим епископом Антиохии и тут же о возмездии — о землетрясении, которое поглотило епископа, греческие церкви и вообще большую часть Антиохии (1053 г.) (с. 114—117).

Междоусобицы претендентов на византийский престол приносят неисчислимые беды христианам (с. 125). Однако, сражаясь между собой, византийцы совершенно не в состоянии противостоять нашествиям извне. Если Аристакес отмечает, что гарнизон ромейской крепости сразился с сельджуцким отрядом, разграбившим Мелитину, то у Маттеоса ромеи даже не посмели вступить в битву с сельджуками, которых позже разгромил храбрый Торник Мамиконян (с. 131). Вслед за рассказом о героическом поведении Торника Маттеос нагнетает ужасы: зверства турок, красный снег, голод, смерть и как логическое завершение обличает причину этих несчастий — вероломное племя ромеев, "которые разрушили стену крепости дома армянского и оставили его открытым для оружия персов [турок-сельджуков]" (с. 136).

"Многие гавары не были готовы [к обороне]", — пишет Маттеос Урхаеци (с. 138), ромейские командиры из-за зависти друг к другу не могли действовать совместно, а значит и успешно, против турок-сельджуков. Так, дука Эдессы Даватанос погиб у Амиды из-за коварства Франкопола (1063г.) (с. 142—144); Бехт, дука Антиохии, выступил против турок, а помощник ("проксимос") дуки Эдессы Пигонита по его приказу предупредил неприятеля о приближении антиохийских отрядов (1066—1067 гг.) (с. 157—158). В падении Ани (1064 г.) виновны нечестивые ромейские князья (хотя они вовсе не ромеи) (с. 148)¹⁷. Даже если ромейские отряды вступают в сражение с сельджуками, то чаще всего терпят поражение (например, сражение у Кесарии в 1067 г., где потерпел поражение Арвандан, дука Эдессы, — с. 186—188, ср. также о поражении у Севастии, — с. 192). Идеальным правителем Маттеоса Урхаеци следует считать Гагика II Багратуни, законного наследника армянских царей (с. 161), который пользуется огромным авторитетом среди армянских владетелей. Он отважен, Маттеос сравнивает его с орлом (с. 162), "силен в философии и непобедим в ответах" (с. 161). Во всяком случае он достаточно образован, чтобы собственноручно изложить символ армянской веры (с. 163—178) и защитить его в ученом диспуте в святой Софии (с. 161, 179).

И даже решение Гагика обратиться к султану, чтобы вернуть престол, не вызывает осуждения Маттеоса Урхаеци (с. 180). Рядом с Гагиком нельзя не поставить ни одного ромейского императора. В этой части лишь два василевса удостоиваются положительных характеристик: Мелиссин, который никогда не сидел на византийском троне — "муж добрый и именитый, созидающий мир и украшенный разной славой" (с. 123), и Феодора — "целомудренная, добродетельная, милосердная к вдовам и пленным". Она освободила заключенных из столичных тюрем и в их числе армянских ишханов, сыновей Абея (с. 122).

Маттеос рассказывает о гибели Васака Пахлавуни, дуки Антиохии (с. 213), ширакского князя Епихта (Бехта) (с. 214—215), наконец, Гагика II Анийского (с. 219—220) от руки "коварных ромеев". Он с ненавистью пишет об армянах, принявших ромейское вероисповедание (например, о Филарете Варажнуни, —

¹⁶А в "Хронографии" Акоба Сананци почти нет антихалкидонитских выпадов.

¹⁷В противоположность этому суждению, Аристакес Ластивертци винит в падении Ани не византийских наместников, но самих горожан, навлекших на себя гибель малодушием и распрями (с. 135).

с. 206—210). Нет никакой необходимости приводить здесь все высказывания Маттеоса о ромеях. Если в трудах Аристакеса Ластивертци и Акоба Санаинци существует определенная сложность содержания образа Византии и его акцентировки, обязывающая к детальному исследованию, то Маттеос Урхаеци говорит о ромеях не иначе как в форме обличений и проклятий (см., например, с. 135—136). Его взгляды в более будничном изложении сводятся к утверждению, что Византия, захватив Восток и в том числе армянские земли, удалила из страны армянское войско, вместо храбрых армянских воинов и полководцев поставила трусливых и неспособных, в результате и Армения, и все восточные владения империи оказались беззащитными перед сельджуками, захватившими постепенно все эти территории¹⁸.

Третья часть "Хронографии", события которой выходят за рамки рассматриваемого здесь периода, также отмечена резким осуждением ромеев, как, впрочем, сельджуков и франков. Такая же тенденция прослеживается и у продолжателя Маттеоса Григория Монаха, доведшего повествование до 1162/1163 гг. Он считает ромеев главными врагами армян (осуждает и крестоносцев, захвативших владения армянских князей). Сведения об интересующих нас событиях в "Хронике" Самвела Анеци, современника Григория Монаха, взяты из вторых рук, очень скупы и отрывочны и не дают возможности выявить отношение автора к событиям¹⁹. Смбат Спарапет, историк XIII в., описал в своей "Летописи" события с 951 по 1286 гг. Основной его источник для событий с 951 по 1156 гг. — "Хронография" Маттеоса Урхаеци, и он почти дословно повторяет уничтожающие суждения своего источника о ромеях и об их восточной политике²⁰.

"Образ Византии" в армянской средневековой историографии X—XII вв. явился результатом реальных исторических контактов Армении и Византии, а также итогом взаимодействия армянской общественно-политической мысли с византийскими идеологическими стереотипами. Эволюция образа Византии связана с генезисом и функционированием контактной зоны, а его негативная модификация, перешедшая в новую и новейшую армянскую историографию, — с ее крушением.

¹⁸ Нельзя сказать, что в "Хронографии", где безоговорочно осуждается восточная политика Византии, нет ни единого доброго слова о ромеях вообще, см., например, похвалы Феодоре, освободившей сыновей Абея (с. 122), Михаилу VII — за благочестие (с. 212), Алексею Комнину (с. 217), армянам-халкидонитам на византийской службе Апокапам (с. 216), однако, процент таких высказываний ничтожен.

¹⁹ Самвел Анеци. История. Валааршапат, 1893. С. 100—114 (на древнеарм. яз.).

²⁰ Смбат Спарапет. Хронография. Венеция, 1963 (на древнеарм. яз.).